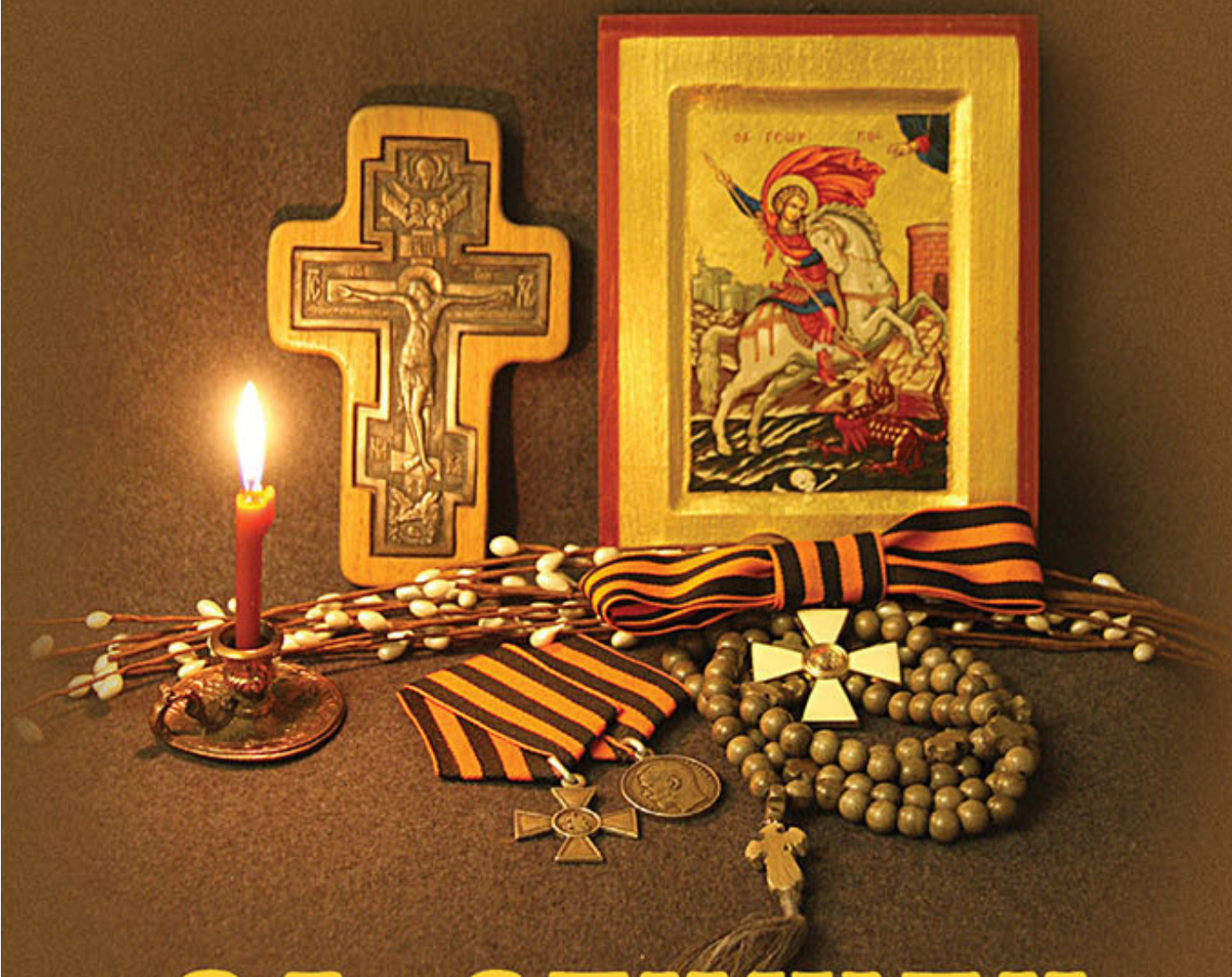

ВАДИМ МАКСИМОВ
КОНСТАНТИН КАПКОВ

ЗА СЛУЖБУ И ХРАБРОСТЬ

СВЯЩЕННИКИ – КАВАЛЕРЫ ОРДЕНА СВЯТОГО ГЕОРГИЯ
НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ

Константин Капков

**За службу и храбрость.
Священники – кавалеры
ордена Святого Георгия.
Неизвестные страницы**

«Книжный мир»

2017

Капков К. Г.

За службу и храбрость. Священники – кавалеры ордена Святого Георгия. Неизвестные страницы / К. Г. Капков — «Книжный мир», 2017

ISBN 978-5-6040153-7-7

Девиз ордена Святого Георгия «За службу и храбрость», вынесенный в заголовок, воодушевлял на подвиги тысячи и тысячи героев, честно и верно служивших нашему Отечеству. Среди них были и военные священники, не только окормлявшие свою паству на поле боя, но, случалось, с крестом в руке и именем Христовым на устах поднимавшие русских солдат в атаку на врага. Именно им и посвящена эта книга. На сегодняшний день это наиболее полное собрание биографических очерков священников, пожалованных Георгиевскими наградами со времен учреждения военного Ордена Святого Георгия до окончания Гражданской войны. Повествование не ограничивается темой священника на войне, жизнь героев прослеживается в тех пределах, которые допускают проверенные биографические данные. Разнообразное соседство несхожих судеб раскрывает перед нами подробную картину прошлого, благодаря чему перед читателем разворачивается сложная и неоднозначная панорама общественной жизни России XVIII–XX вв. Архивный материал, послуживший основой для издания, расширен сведениями исторического характера, что делает книгу привлекательной для достаточно широкой аудитории. Значительная часть материала и некоторые иллюстрации публикуются впервые.

ISBN 978-5-6040153-7-7

© Капков К. Г., 2017
© Книжный мир, 2017

Содержание

Предисловие	7
Используемые обозначения	9
Русско-турецкая война (1787–1791). Россия, Сербия и Черногория.	12
Наполеоновские войны начала XIX века	
1. Забытое чудо: штурм Измаила	17
2. Переселение сербов в Малороссию	26
Цена Георгиевской ленты	31
4. Святой правитель Петр I (Негош) и его дипломат.	36
Архимандрит Спиридон Филиппович	
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Вадим Максимов, Константин Капков
За службу и храбрость. Священники
– кавалеры ордена Святого
Георгия. Известные страницы

Допущено к распространению
Издательским советом Русской Православной Церкви»

Предисловие

Без исторической памяти народ утрачивает собственную идентичность. Прошлое многогранно, и попытки изобразить историю одной краской всегда ущербны. Внимание к подробностям позволяет постичь глубину и внутренний смысл событий, происходивших с нашей страной за последние столетия, увидеть истоки противоречий и разглядеть некоторые аналогии, которые могут предостеречь от повторения ошибок. Объемная картина прошлого придает нашим представлениям устойчивость и обеспечивает иммунитет к неверной интерпретации фактов. Это особенно актуально для такой острой темы, как поведение священников на войне, где в одном узле сплетены ключевые для человека проблемы: жизнь и смерть, вера и мирские обстоятельства, совесть и долг. На конкретных примерах мы видим, как герои очерков поступали в критических обстоятельствах, какой выбор предлагала им судьба, и как они распоряжались этим выбором.

Георгиевские награды вручались исключительно «за службу и храбрость», как было прописано в статуте ордена св. Георгия, то есть только за конкретный военный подвиг. Это определяет общую тональность книги. При этом судьбы героев священников очень не похожи между собой. Георгиевская лента резко выделяла человека из общей массы, предоставляя в большинстве случаев конкретные и весьма весомые преимущества. Никакая другая награда не вызывала такого искреннего и неподдельного уважения к ее обладателю во всех слоях общества. Но отношение к высокой награде у самих награжденных бывало различным, и по-разному они использовали открывавшиеся им перспективы. Порой случалось, что в результате награды судьба вовлекала героя в совсем уж неожиданные перипетии.

Основой книги послужил биографический материал, собранный в основном по архивным источникам. **На сегодняшний день это наиболее полное собрание биографических очерков священников, пожалованных Георгиевскими наградами**, о которых архивы сохранили чуть больше, чем послужной список. Послужной список представлял собой документ учета, который в XIX – начале XX веков составлялся на каждого священнослужителя ежегодно. В нем содержались сведения о дате и месте рождения, сословном происхождении, образовании, семейном положении, недвижимом имуществе, жаловании, прохождении службы: участии в боях, наградах, взысканиях и т. п.

По причине неоднородности доступного материала не все биографии изложены одинаково подробно. В каких-то случаях нам известны всего несколько эпизодов, по которым, как по фрагментам фрески, можно только попытаться воссоздать более целостную картину, а где-то, наоборот, формат очерка будет явно тесен. Чтобы сделать жизнь военных священников более понятной, контекст повествования дополнен описанием реалий повседневной жизни. Очерки в основном сгруппированы по разделам военной истории, каждый из которых предваряется краткой справкой. При этом в очерки порою включены значительные по объему фрагменты подлинных документов, что дает возможность ярче почувствовать дух эпохи и прикоснуться к подлинному историческому материалу, свободному от позднейшей адаптации, неизбежно несущей на себе отпечаток другого времени и другой системы ценностных отношений.

Биографии наших героев чаще всего не завершаются получением награды, многие из них прожили долгую жизнь, и некоторые судьбы удастся проследить вплоть до середины XX века. Поэтому ряд очерков переносит нас уже совсем в другую эпоху и даже другие страны, подчас весьма удаленные от России.

Поскольку тема участия духовенства в военных действиях всегда вызывает много вопросов, в конце книги дается приложение, где обсуждаются взгляды на философию войны некоторых военачальников, имевших за плечами опыт ведения боевых действий и знакомых с войной изнутри. Во втором приложении предлагается краткий экскурс в историю наград, в нем осо-

бое внимание уделено Императорскому Военному ордену Святого Великомученика и Победоносца Георгия и Георгиевским наградам.

Вид Георгиевской награды для каждого очерка указывается с помощью условных обозначений, расшифровка которых приводится ниже. Особо выделены священники, прославленные в лике святых Русской Православной Церкви. В таких очерках в конце дается тропарь, икона и дата празднования памяти святого по новому стилю.

Орфография и пунктуация источников при цитировании в основном сохранена, хотя местами для облегчения понимания допущена корректировка в соответствии с нормами современного языка. Библиография к каждому очерку помещена в конце книги.

Используемые обозначения

Священнослужители, пожалованные орденом св. Георгия 4-й ст.

евской ленте

Священнослужители, пожалованные наперсным крестом на Георгиевской ленте

Священнослужители, пожалованные наперсным крестом на Георгиевской ленте в Белых армиях

Священнослужители, пожалованные Георгиевским крестом (Знаком отличия Военного ордена)

Священнослужители, пожалованные Георгиевской медалью «За храбрость»

Священнослужители, пожалованные панагией на Георгиевской ленте

Священнослужители, прославленные в лике святых

Русско-турецкая война (1787–1791). Россия, Сербия и Черногория. Наполеоновские войны начала XIX века

Столкновения с Османской империей

Конфликты России с Османской империей начались с продвижением Порты на север. В 1475 году Порта захватила побережье Крыма, после чего турки стали притеснять русских на Азове. В 1569 году Касим-паша повел 20-тысячное войско на Астрахань, в результате чего разгорелась первая русско-турецкая война, завершившаяся победой русских. С тех пор войны с турками продолжались до последних дней Российской Империи. Россия сражалась за Приднестровье, Северное Причерноморье, Кавказ, немало крови было пролито за права христиан, оказавшихся на землях, захваченных Османской империей. Из 12 войн, в которых Россия воевала со своим южным соседом, поражениями завершились только Прутский поход (1710–1711) и Крымская война (1853–1856).

Земли Малороссии, как приграничные, всегда играли особую роль в русско-турецких спорах. После воссоединения России с Украиной в 1654 году последовала изнурительная русско-польская война, завершившаяся Андрусовским перемирием (1667). Гетман Петр Дорошенко решил воспользоваться тем, что Россия была сильно истощена, и объявил себя подданным турецкого султана, намереваясь с помощью Порты выдвинуть из Украины и русских, и поляков. Однако союз с турками завершился передачей казаков под власть крымского хана. От крымско-турецкого господства казаки натерпелись еще больше, чем от поляков. После того, как Правобережье было полностью разорено, Дорошенко запросил подданства Москвы, но казаки избрали себе нового гетмана, и теперь объединенным русско-казацким войскам пришлось освобождать Правобережье уже от крымско-турецкой оккупации. Война 1676–1681 года завершилась Бахчисарайским мирным договором, сильно укрепившим позиции России на юге.

На конец XVIII века приходится активный передел Европы. Османская империя стремительно слабеет и оказывается уже не в силах удерживать под своей властью окраины. По итогам русско-турецкой войны 1768–1774 годов она теряет Крым, к России отходят земли Новороссии и Северный Кавказ. Все понимают, что Порта едва ли будет мириться с такими потерями, и что первая война подвела лишь промежуточный итог. И действительно, в 1787 году Порта откровенно спровоцировала начало очередной войны с Россией (1787–1791).

На этот моменту Императрицы Екатерины II есть союзник, австрийский Император Иосиф II. Императрицу объединяет с ним не только общность взглядов, но и конкретные политические интересы. В конфиденциальной переписке оформляется идея «Греческого проекта». Гнет Османской империи привел к колоссальному напряжению на Балканах, и с точки зрения геополитики этот проект был логичен и не лишен изящества.

Фактически речь шла о восстановлении новой Византии. Турок планировалось выгнать из Европы. На престол возрожденной Византийской империи Екатерина прочила своего внука, которому она уже дала соответствующее имя: Константин. Мальчика вскармливала кормилица из Греции, его обучали греческому языку. В честь его рождения отчеканили медаль с изображением храма Святой Софии в Константинополе, а на праздновании звучали гимны на греческом. Османскую империю предполагалось поделить между Россией, Австрией и Венецианской республикой. Из Молдавии и Валахии создавалось буферное государство Дакия, а западная часть Балканского полуострова в этом случае отходила к Австрии. Естественно, «Греческий проект» для императора Священной Римской империи выглядел крайне привлекательным, в России он также нашел неформальный отклик и поддержку, но в гораздо большей степени им воодушевлялись греки и южные славяне, мечтавшие раз и навсегда покончить с османским владычеством.

След идеи «Греческого проекта» можно наблюдать и поныне: по всей Руси осталось немало храмов, копирующих константинопольский храм св. Софии. Большинство из них было заложено именно в 1790-е годы или чуть позже. У греков же до сих пор слышны разговоры о том, что настанут времена, когда русские помогут им вернуть Константинополь.

В свою очередь, после первой русско-турецкой войны Порты мечтала взять реванш. А тут еще эта триумфальная поездка Екатерины по Крыму... Подготовка к войне шла полным ходом. Через Я.И. Булгакова, чрезвычайного посланника и полномочного министра, Порте была передана нота, в которой, среди прочего, Россия требовала обуздать закубанских татар, беспокоивших набегами границы Российской империи, признать грузинского царя Ираклия II вассалом России, а также объяснить свои военные приготовления. Вместо ответа 5 августа Порты объявила России войну, а Я.И. Булгаков был заключен в Семибашенный замок.

Война для России началась успешно. Неприятности сыпались на турок одна за другой: неудачный десант на Кинбурнской косе, поражения в Молдавии, падение Очакова. Известие о последнем событии настолько шокировало султана Османской империи, что того хватил апоплексический удар, и спустя несколько месяцев он умер на 65-м году жизни.

Последней твердыней Османской империи оставалась крепость Измаил. Она неспроста считалась неприступной. По заданию Порты европейские инженеры потрудились на совесть, переделав укрепления в соответствии с последними достижениями военной науки того времени. Раньше, до появления мощной артиллерии, высокие стены замков надежно защищали внутреннее пространство от осаждающих, а с башен легко было поражать противника. Теперь же, когда ядра стали пробивать высокие, но тонкие стены, самыми надежными укреплениями стала бастионная фортификация с мощными каменно-земляными валами, перед которыми оставался широкий и глубокий ров. Инженеры сохранили старую цитадель, но после переделок ее укрывали мощные валы общей протяженностью более 6 км и высотой до 8,5 м. Система выдающихся вперед бастионов обеспечивала широкие углы обстрела, удобные для защитников крепости. С южной стороны валов не было, но здесь естественной защитой служил Дунай, разлившийся в этом месте на полверсты. По реке до моря было 80 км, и, по замыслу инженеров, турецкий флот имел возможность подойти на подмогу в любой момент.

До прибытия Александра Васильевича Суворова осада велась вяло. С осени стало сказываться плохое снабжение продовольствием, в войсках ощущалась нехватка боеприпасов. С началом ноябрьских холодов уже обсуждались планы снять осаду и перебраться на зимние квартиры. Однако как только о том стало известно командующему армией, генералу-фельдмаршалу Григорию Александровичу Потемкину, он тут же понял, что снятие осады может привести к поражению в войне. В развитии военных действий уже намечался негативный перелом. После смерти Иосифа II турки успели заключить с Австрией сепаратное соглашение, так что Россия теперь воевала с противником в одиночку. Расстановка сил в Европе быстро менялась, Англия и Пруссия все активнее поддерживали Турцию. В России был только один человек, который мог спасти ситуацию. Это был Суворов. И светлейший князь Потемкин посылает Суворову приказ: «С получением сего извольте отправиться под Измаил и взять войска, находящиеся там, под свою команду, а также принять меры к овладению крепостью».

Суворов, взяв себе в сопровождение только одного казака, за два дня пересекает молдавские степи, и 2 декабря 1790 года дозорные уже видят двух всадников, въезжающих в русский лагерь: Суворов и сопровождающий его казак благополучно достигли цели. Александр Васильевич тут же объехал вокруг крепости, но его взгляд так и не смог обнаружить изъянов в творении европейских инженеров. Потемкину было отправлено сообщение: «Крепость без слабых мест, обещать нельзя». Тем не менее, было принято решение штурмовать Измаил. Суворов тут же отдал распоряжение сделать макет стены со рвом в натуральную величину, вязать связки хвороста для засыпки рва и лестницы. На стену поставили чучела турок, и целую неделю по ночам вся армия взбиралась на стены по лестницам и колола чучела штыками. Суворов лично

присутствует при учениях, и после того, как все участники штурма проходят этот макет стены по 3 раза, Александр Васильевич отправляет в крепость ультиматум: «24 часа на размышление – и воля. Первый мой выстрел – уже неволя. Штурм – смерть, что оставляю на ваше усмотрение».

Меж тем, уже наступило 7 декабря. Турки отвечали всё обычное, что говорят в подобных ситуациях: у них нет полномочий, требуется согласовать предложение в Константинополе, необходимы переговоры... Они имели основания сомневаться в успехе штурма. До Суворова под стенами с начала кампании уже стояли Н.В. Репнин (1789), И.В. Гудович и П.С. Потемкин (1790). Запасов провизии и пороха хватало еще надолго, да и численное превосходство было существенное: 35 тысяч против 30 тысяч русских. С таким перевесом сил в пользу обороняющихся взять штурмом подобные укрепления, пожалуй, не удавалось еще никому. Так что Мехмет-Паша в самом деле мог дать Суворову легендарный ответ: «Скорее Дунай обратится вспять, и небеса упадут на землю, чем сдастся Измаил...». По крайней мере, большинство защитников крепости едва ли усматривали в ультиматуме Суворова сильный повод для беспокойства. Тем более, что за стенами Измаила были отнюдь не новички, а обстрелянные воины, которым, ко всему прочему, за сдачу крепости грозила смертная казнь.

Штурм начался в ночь на 11 декабря. Суворов обратился к войску со следующими словами: «Храбрые воины! Приведите себе в сей день на память все наши победы и докажите, что ничто не может противиться силе оружия российского... Два раза осаждала Измаил русская армия и два раза отступала; нам остается в третий раз или победить, или умереть со славою».

Это были не пустые слова. «Умереть со славою» по всем человеческим понятиям было куда как вероятнее. Однако «что невозможно человекам, возможно Богу». Говорят, что незадолго до штурма Суворов поглядел на небо и застыл. Долгое время он оставался неподвижным, и когда кто-то из солдат осмелился потревожить Суворова, чтобы выяснить, всё ли в порядке, тот предложил подойти и посмотреть из-под его левой руки на небо.

«Смотри пристальней, видишь людей?» – «Будто вижу», – ответил солдат. «Видишь: одни в венцах, другие без венцов?» – «Видю будто!» – «Так вот, и я их вижу. Кто в венцах, тот при штурме убит будет. Только вот я сколько времени смотрю, без венцов куда больше. Удачный штурм будет, и наших турки мало побьют».

Никто не знает, насколько правдива эта легенда, и было ли на самом деле это видение, но случилось невероятное: Измаил пал, и это определило исход войны.

Балканы: отношения России с Сербией и Черногорией

Османская оккупация Балкан существенно повлияла на европейскую политику. Более всех на Балканах пострадали те народы, которые не захотели переходить в мусульманство. Особенную стойкость проявили сербы. В 1389 году сербские князья потерпели поражение на Косовом поле, а в 1521 году пал Белград. Турецкое иго на Балканах продлилось 350 лет.

Православные государи России чувствовали на себе обязательство помогать единоверным народам и с готовностью следовали этому долгу. Как только Россия начала оправляться после Смутного времени, она стала представлять внушительную силу в европейской политике. С этого момента заметно активизируются ее контакты с балканскими странами, особенно с Сербией и Черногорией.

В середине XVII века для сбора помощи бедствующей Сербской Церкви в Москву приезжал митрополит Симеон. Он был растроган до слез, видя участие русских к судьбе своего народа. После литургии к нему стекались люди разных сословий: мещане, купцы и крестьяне. Они живо интересовались жизнью своих далеких братьев, просили его молитв и предлагали посильное пожертвование. Собранные средства, возможно, были не слишком велики, но для сербов крайне важно было знать, что в мире есть страна, где правит православный царь, и где народ принимает их скорби как свои.

В 1659 году Москву посещал патриарх Гавриил. Государь Алексей Михайлович принял его с должным почетом и подтвердил, что Россия всегда будет готова оказать помощь братской Сербии. По возвращении на родину турки обвинили патриарха в сговоре с Россией и казнили.

В конце XVII века Белград взяли австрийцы. Перед этим турки довели сербские земли до полного разорения, поэтому местное население с радостью поддержало освободителей. Сербь были прекрасными воинами, и под знаменем Австрии они практически собственными силами освободили свою страну. Но после победы австрийцы стали грабить Сербию точно так же, как это делали до них турки. И когда Порта вновь пошла на Сербию, местное население уже не стало выступать ни на чьей стороне, и их земли вновь оказались под турками. Только теперь турки были сильно озлоблены, и гнет возобновился с утроенной силой.

Особенно лютовали турки в Косово и Метохии – пылали храмы, мужское население было перебито, женщин и детей уводили в плен. Патриарх Арсений бросил клич, и по его слову десятки тысяч (по разным оценкам от 40 до 70 тысяч) сербов, спасаясь от бесчинств, покинули свои насиженные места и ушли за Дунай. Венгерская корона приняла их, но предоставила для жительства опустошенные турками земли, где переселенцам предстояло отбиваться от своих прежних врагов, обороняя теперь чужие границы. Австрийские власти продолжали обманывать и обирать их, к тому же на новом месте сербы испытывали постоянное давление католиков, решивших во что бы то ни стало насадить у православных унию.

В 1716 году австрийцы вновь отбили Белград. На сей раз сербы уже не питали иллюзий по поводу очередного избавления от турецкого ига. Время подтвердило их худшие опасения: за двадцать лет австрийского владычества давление со стороны католиков не прекращалось, а австрийские чиновники, ростовщики и армейские чины привели земли в такое опустошение, что сербы стали даже переходить под покровительство султана. Лишившись поддержки сербов, Австрия в 1739 году окончательно потеряла Белград, отошедший к туркам теперь уже надолго. А сербы в поисках прочного союзника все интенсивнее стали обращать свои взоры на Россию.

Отношения с Россией значительно активизировались при Петре Великом. Император благоволил к братьям-славянам на Балканах, и в его царствование возникла мысль о переселении сербов в Россию. Со времен Петра I Россия регулярно помогает Сербии: туда отсылаются деньги, сербские юноши приезжают в Россию на учебу, на русском языке появляется литература по Балканам.

В декабре 1751 года Елизавета Петровна подписала указ «О принятии в подданство сербов, желающих поселиться в России и служить особыми полками, о назначении на границе со стороны турецкой выгодных мест к поселению; об определении жалованья по окладу гусарских полков конным, а пешим оклада полков пехотных, и о подчинении Военной коллегии», и уже через месяц переселенцам отводятся земли в Запорожье. На территории Малороссии возникает Новая Сербия (северная часть нынешней Кировоградской области на Украине) и Славяносербия (сейчас это область между Бахмутом и Луганском в Луганской области). Население этих областей пополняет русское войско закаленными бойцами. Так, brave гусарские полки во второй половине XVIII века формировались преимущественно из сербов.

В русско-турецких войнах южные славяне бесстрашно сражались с турками под русским знаменем, в результате чего в Императорской России возникло немало сербских и черногорских дворянских родов, заслуживших потомственное дворянство ратными подвигами.

Наполеоновские войны

Наполеон стал пожизненным консулом в 1802 году, а в 1804 – императором Франции. Стремительно захватывая Европу, он продвигался все ближе к границам России. Хотя Александр I не хотел войны, избежать участия России в наполеоновских войнах не удалось. Военная кампания 1805 года в составе третьей коалиции закончилась поражением под Аустерлицем,

где Кутузов принял бой по настоянию Александра I. В 1806 году Россия в союзе с Пруссией выступила против Наполеона.

В ходе кампании 1806–1807 годов активные боевые действия в Европе велись на суше и на море. На море особенно отличилась балтийская флотилия под командованием Д.Н. Сенявина. В тесном взаимодействии с черногорцами русскому флоту удалось освободить бухту с мощной крепостью Бока ди Катаро. В этой операции на помощь капитану Белли черногорский правитель Петр Негош¹ выслал отряд из тысячи человек, и австрийский губернатор маркиз де Гизильери сдал все 8 крепостей без боя. Русские получили возможность держать свои корабли в прекрасно защищенной от непогоды и неприятеля Которской Бухте. В 1807 году русские моряки вместе с черногорцами вернули о. Корчула на Адриатическом побережье.

На материке невероятно кровопролитная битва произошла 7–8 февраля 1807 года при г. Прейсиш-Эйлау (близ Кенигсберга, ныне г. Багратионовск). Русской армией командовал Бенигсен, и хотя он сумел дать достойный отпор французам, победа не досталась никому. Летом 1807 Наполеон под Фридландом одержал победу, Прусское королевство целиком оказалось в руках Наполеона, а русские войска были вынуждены уйти на правый берег Немана. Здесь, на плоту посреди Немана, был заключен Тильзитский мир. Личная встреча двух императоров неожиданно породила между ними некое подобие дружбы.

Россия вступила в союз с Францией. Но вскоре Александр увидел, что Наполеон, несмотря на свою любезность, действует исключительно из собственных интересов, искусно лавируя в политике. Так, пообещав Александру при заключении Тильзитского мира свободу действий на Балканах, он отнюдь не торопился выполнять свои союзнические обязательства против Турции, одновременно подпитывая надежды поляков на независимость и продолжая захват германских земель. В то время как Россия несла торговые потери из-за блокады Англии, переживая расстройство финансов и рост внутреннего напряжения, Наполеон все ближе продвигался к границам России. Позиция Александра вызывала недовольство и непонимание в народе. Видя, что, по всем признакам, у Наполеона идет приготовление к войне с Россией, Александр тоже начинает готовиться к войне.

Наполеон не скрывал своего стремления к мировому господству. К 1812 году он разгромил пятую коалицию и фактически подчинил себе всю континентальную Европу. Теперь он был на пике славы. В Европе, кроме Франции, оставались две самостоятельные державы: Россия и Англия.

¹ О нем подробнее см. на с. 73.

1. Забытое чудо: штурм Измаила

Протоиерей Трофим Егорович Куцинский

В числе священников, открывающих почетный список кавалеров российского ордена св. Георгия, мы видим иностранцев. Серб протоиерей Трофим Егорович Куцинский был первым духовным лицом, удостоенным чести стать кавалером этого ордена. В статуте ордена св. Георгия, утвержденного государыней Екатериной Великой в 1769 году, возможность награждения предусматривалась только для офицеров. Для священника ношение на рясе белого эмалевого креста, который предписывалось носить, не снимая, на первый взгляд как будто даже противоречило евангельскому принципу смирения.

Разумное решение было найдено: протоиерей Трофим Куцинский все-таки получил награду и вошел в число кавалеров ордена, собирающего в своих рядах лишь тех, кто доказал свое мужество под неприятельскими штыками и снарядами. Вместо белого эмалевого креста отцу Трофиму был пожалован золотой наперсный крест на Георгиевской ленте. Эскиз к нему делал самолично его сиятельство князь Григорий Александрович Потемкин.

Вскоре появились и другие Георгиевские награды. Особо отличившимся офицерам и генералам жаловалось Георгиевское наградное оружие «За храбрость». Наконец, чтобы не умалять значения подвига нижних чинов, с 1807 появился знаменитый «солдатский Георгий». И хотя этот серебряный крест не являлся орденом, все эти знаки отличия объединяло одно: Георгиевская лента. Три черные полосы, чередующиеся с двумя желтыми, на века стали символом ратного подвига в боях за Отечество. Черный цвет символизировал твердость духа, желтый – доблесть и благородство подвига.

Строго говоря, духовенство формально не наделялось титулом «кавалер Ордена»: духовный сан в православии плохо совмещался с образом средневекового рыцаря, с ног до головы увешанного броней и оружием². Официально говорилось о причислении к ордену.

Следующий момент, требующий пояснения – слово «иностранец». Дело в том, что иностранцем отца Трофима Куцинского тоже можно называть с известной долей условности. Куцинский Трофим Егоров, серб, и вправду родился не в России, а в Молдавском княжестве, видимо, в 1758 году и «жительство имел в городе Яссы». Так что по рождению своему он действительно должен быть признан иностранцем, хотя и не «немчином», как на Руси называли европейцев, не разумеющих славянского наречия, то есть тех, кто был «нем». Трофим Егорович «слово», надо полагать, разумел от рождения. Церковнославянский язык не чужд сербам и поныне: в сербских храмах служба ведется не только на сербском, но и на церковнославянском языке.

² Кавалер (от фр. *Chevalier* – рыцарь, всадник). См. подробнее в Приложении «Заметка об истории орденов» с. 656.

Какими же судьбами серб Трофим, Егоров сын, попал в Россию, причем из Молдавии? Сербь оказались под иноземным игом на два столетия позже, чем Россия. Орда двинулась на Русь в 1237 году, сербская Деспотия оказалась под властью Османской империи в 1459 году. Сербь уступили, но не сломались, хотя и оказались зажаты между католической Европой и исламским юго-востоком в числе других южных славян. Но если у других народов мы видим и переходы в другую веру, и химерические формы христианства вроде западной унии или боснийского богомилства, то сербов отличает исключительная верность выбранному пути. Как со времен собирания Руси в единое мощное государство было верно определение «русский – значит православный», так и для сербов конфессиональная принадлежность неотделима от национальной самоидентификации. Сербь и по сей день составляют моноконфессиональную нацию, их отличает какое-то внутреннее сродство с православием, не исчезающее со временем. Так и должно быть у нации, возникшей естественным путем: ведь именно единство веры составляет ту духовную основу, вокруг которой формируется тело народа.

Защищая свою самобытность, сербь стойко сопротивлялись туркам на протяжении 350 лет османского завоевания. Вначале в роли союзника Сербии выступала Австрия, однако в конце XVII века под натиском турок она вынуждена была отступить, и Сербия оказалась брошенной на разграбление. Как уже отмечалось выше в исторической справке, репрессии были настолько сильны, что патриарх Арсений III Черноевич увел изрядную часть сербов на север, за Дунай. Беспрестанные войны выковали из этого народа закаленных и негибаемых бойцов, воинов духа. По этой причине венгры и валахи охотно принимали их – Европе нужны были храбрые и надежные защитники границ. И, подобно тому, как у границ Речи Посполитой сражались реестровые казаки, составлявшие основу казачьего войска и имевшие немалые преимущества от государства, из сербских воинов сложилось сословие граничар, также получавших немалые привилегии. Как и казаки, они не единожды обращались к Российским государям с просьбой принять их под свою опеку.

После Австро-турецкой войны 1735–1739 годов, в которой участвовала и Россия, по условиям Белградского мира Австрия вновь вынуждена была сдать Северную Серию и Западную Валахию туркам. Это вызвало новую волну переселения сербов. В XVII–XVIII веках 80 % сербов покинули родину и стали искать счастья на стороне.

Скорее всего, семья Трофима Куцинского так же покинула родину в числе этих самых 80 %, и таким образом Трофим Егоров оказался в княжестве Молдавском в самый разгар турецких войн. Изгнанных со своих земель сербов отличало два качества: вера, за которую они сражались, и желание отомстить туркам. Поэтому едва ли стоит удивляться тому, что первый священник, удостоенный за ратный подвиг звания Георгиевского кавалера, оказался именно сербом, отличившимся в русско-турецкой войне.

Об отце Трофиме известно, что в 1780-х – начале 1790-х годов он служил священником Полоцкого пехотного полка, потом – Днепровского Приморского гренадерского. Полоцкий 28-й пехотный полк получил боевое крещение при штурме Очакова во второй турецкой войне, а затем принимал участие в знаменитом штурме Измаила. Там и произошел известный эпизод, пересказанный потом на многие лады и принесший заслуженную славу иерею-воину.

Чтобы оценить меру подвига серба Трофима Куцинского, вспомним, насколько важно для России было овладеть Измаилом. Мы уже говорили, какой неприступной считалась крепость, сработанная для турок европейскими инженерами с учетом последних достижений в фортификационном деле. В истории, пожалуй, не было еще случая, чтобы подобное укрепленное сооружение не выдержало штурма противника при численном перевесе оборонявшихся. Однако случилось настоящее чудо. Из 30 тысяч штурмующих наши потери составили чуть более двух тысяч. Зато из 35 тысяч оборонявшихся за мощными укреплениями турок погибло 26 тысяч, остальные 9 попали в плен. В своем видении Суворов увидел исход битвы именно таким, каким он описан сегодня в книгах по истории.

Когда в очередной раз пытаешься отчетливо представить себе, как же все-таки могло получиться, что опрокинутыми оказались все логические доводы, и неприступную крепость удалось взять при серьезном перевесе засевшего за оборонительными сооружениями противника, понимаешь: один только гений военачальника остался бы бессилем один на один против доводов военной науки. Чуда не случилось бы, если бы все войско не было охвачено единым духом, заключившим в себе будущую победу. И именно этот дух послужил причиной массового героизма. Ураганным натиском оборона была просто сметена. Парадокс состоял в том, что для такого перелома привычной логики массовым было стать понимание, что **единственный способ спасти свою жизнь при штурме заключался как раз в том, чтоб перестать цепляться за нее**, подчинив себя этому единому порыву. Спасти можно было только всем – или никому. Если бы не это, то 25 тысяч погибших, скорее всего, числились с нашей стороны.

Подвиг отца Трофима при штурме Измаила

Эпизод с отцом Трофимом – ЛИШЬ один из многих и многих подобных случаев, многократно описанных в воспоминаниях современников. Проследим внимательнее за различными интерпретациями – из них можно почерпнуть немало интересного. Вот как описывает подвиг отца Трофима Куцинского Лев Николаевич Энгельгардт, участник русско-турецкой кампании 1790 года ³.

«При штурме отличил себя Полоцкого полка священник [Куцинский]. Подполковник Яцунский, командир сего полка, был убит, полк побежал; тогда тот поп с крестом в руках закричал: «Стой, ребята, вот ваш командир» (указывая на крест) – и сам бросился пред полком к крепости; полк пошел за ним, и из числа первых взошел на стену».

Скупое описание, видимо, взято из рассказов, полученных непосредственно от участников боевых действий. В исследовании Н. Орлова, вышедшего к 100-летию штурма Измаила, можно почерпнуть уже развернутый анализ всего эпизода, из которого можно оценить, насколько критичен был поступок полкового батюшки.

«IV колонна бригадира Орлова подошла ко рву толгаларского укрепления левее Бендерских ворот; часть ее уже взошла на вал по приставленным лестницам, тогда как остальная часть колонны была еще по сю сторону рва. Тогда Бендерские ворота растворились, силь-

³ Лев Николаевич Энгельгардт (1766–1836), генерал-майор, двоюродный племянник и адъютант князя Потемкина, автор мемуаров, увидевших свет в «Русском Вестнике» в 1859 году.

ная толпа неприятеля спустилась в ров, двинулась вдоль него и ударила во фланг казачьей колонны, угрожая разрезать ее пополам; положение колонны сделалось отчаянным; пики казаков разлетаются под ударами сабель, казаки остаются безоружными и гибнут во множестве. Казаки и турки перемешались между собою, победа колеблется то на одну, то на другую сторону, то слышится громче «ура», то «аллах». Суворов мгновенно понял опасность и принял меры к ее отражению. В помощь IV колонне двинут Воронежский гусарский полк, бывший в резерве за III колонною, 2 эскадрона Северского карабинерного полка и конный казачий полк подполковника Сычова; вся эта конница карьером мчится от правого крыла, получив приказание врубиться в вылазку; кроме того, от левого крыла посланы все конные резервы, наконец, беглым шагом прибыли два батальона Полоцкого мушкетерского полка, составлявшие резерв казачьих колонн. Под начальством храброго своего полковника Яцунского, Полоцкий полк ударяет на неприятеля в штыки, но в самом начале атаки Яцунский смертельно ранен, солдаты колеблются; видя это, полковой священник высоко поднимает крест с изображением Искупителя, воодушевляет солдат и бросается с ними на турок. Все это вместе дало возможность Орлову отбить вылазку, вышедший же из крепости противник частью погиб, а частью прогнан обратно в крепость; однако турки успели затворить и завалить за собою Бендерские ворота. При содействии Платова Орлов овладел, наконец, валом».

О подвиге Трофима Куцинского неоднократно писали и дореволюционные, и современные издания. И зачастую описание в них обрастало подробностями совсем уже малоправдоподобными. Вот, в частности, одно из описаний, извлеченное из дореволюционных публикаций начала XX века:

«ПРИМЕРЫ ДОБЛЕСТИ. ВОЕННЫЕ СВЯЩЕННИКИ, НАГРАЖДЕННЫЕ ЗОЛОТЫМИ НАПЕРСНЫМИ КРЕСТАМИ НА ГЕОРГИЕВСКОЙ ЛЕНТЕ ЗА ВОЕННЫЕ ПОДВИГИ. БЛЕСТЯЩАЯ ПЛЕЯДА ПОДВИЖНИКОВ ДОЛГА, СВОИМИ ДОБЛЕСТЯМИ УКРАШАВШИХ СКРОМНОЕ ЗВАНИЕ ВОЕННОГО ПАСТЫРЯ.

Протоиерей Полоцкого мушкетерского полка Трофим Егорович Куцинский первым из духовных лиц получил золотой наперсный крест на Георгиевской ленте за геройское участие в штурме Измаила 11-го декабря 1790 г. Подвиг о. Куцинского состоял в следующем: IV колонна бригадира Орлова подошла ко рву Толгаларского укрепления, левее Бендерских ворот. Часть ее уже поднялась на вал по поставленным лестницам, тогда как остальная часть была еще по эту сторону рва. В этот момент Бендерские ворота растворились и сильная толпа неприятелей, спустившись в ров, двинулась вдоль его и ударила во фланг казачьей колонны, угрожая разрезать ее пополам. Положение казаков сделалось отчаянным: их пики разлетались под ударами сабель, и, будучи безоружные, они гибли во множестве. Победа склонялась то на одну сторону, то на другую. Суворов немедленно понял опасность и вызвал резервы. Под начальством своего храброго полкового командира Яцунского Полоцкий полк ударил на неприятеля в штыки, но в самом начале атаки командир был смертельно ранен. Солдаты колебались. Видя это, полковой священник Трофим Куцинский, бывший тут же в рядах воинов, поднял Св. крест и воодушевляя солдат словами: "Стой, ребята! Вот вам командир!", бросился с ними на турок в момент жесточайшей схватки, при входе на крепостную стену; при этом он получил рану в левую ногу с повреждением кости и две пули ударили в Св. крест. Воодушевленные отвагой своего пастыря солдаты сломили врага, одержав полную победу над ним. На другой день о. Трофим, как герой дня, совершил в присутствии всех генералов, штаб- и обер-офицеров и нижних чинов благодарственное Господу молебствие. О подвиге о. Куцинского Суворов донес по команде, и князь Г.Л. Потемкин всеподданнейше представил его к награде 27 июля 1791 г. в таких выражениях: «Полоцкого пехотного полка священник Трофим Куцинский, во время штурма Измаильского, одобряя солдат к храброму с неприятелем бою, предшествовал им в самом жестоком сражении. Крест Господень, который он, яко знамение победы для воинов, носил в руках, пробит был двумя пулями. Уважая таковую его неустрашимость

и усердие, осмеливаюсь просить о пожаловании ему креста на шею». По ВЫСОЧАЙШЕМУ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, Государыни Императрицы Екатерины II благоволению пожалован был о. Трофиму золотой наперсный крест, бриллиантами украшенный, на Георгиевской ленте и торжественно возложен на него в г. Яссах 17 октября 1791 г. Амвросием, Архиепископом Екатеринославским. Кроме того, по повелению ее ВЕЛИЧЕСТВА тем же Архиепископом о. Куцинский был возведен в сан протоиерея, и в награду от казны ему было пожаловано единовременно 500 руб. с ежегодной пожизненной пенсией в 300 руб».

Две пули, ударившие в Св. крест, воображение еще худо-бедно позволяет нарисовать, учитывая интенсивность штурма. Но «рана левой ноги с повреждением кости» со службой молебна буквально на следующий день... Тем более, что в последующей деловой переписке, как мы увидим чуть позже, о ранах не упоминается даже там, где это было бы более чем уместно. Так что, скорее всего, здесь не обошлось без художественного вымысла.

Возможно, подобные художества делаются с самыми благородными намерениями, с целью укрепления патриотических чувств. Но едва ли подвиг нуждается в дополнительном украшении, скорее уж ложь в малом приведет к потере доверия по отношению к той правде, которую таким образом приукрашивают⁴.

Другие подробности в статье безымянного автора достаточно правдивы. И самая главная правда состояла в том, что героизм был, причем героизм массовый. То обстоятельство, что отец Трофим мог и не получить ранения с повреждением кости, не умаляет его подвига. Никто из штурмующих не питал иллюзий – шансов погибнуть было гораздо больше, чем уцелеть.

Публицист верно указал и сумму денежного вознаграждения священника. Как можно понять, насколько щедрой была награда? В то время военный священник в среднем получал жалования около 100 рублей в год, так что сумма 500 руб. и пожизненная ежегодная пенсия в 300 руб., конечно же, не была чисто символической. Это было достойное признание заслуг.

При Екатерине Великой Георгиевские награды находили своих адресатов в точном соответствии со статутом. Это задавало тон на последующую сотню лет и обеспечило ордену прочную славу в народе. Однако порой в Императорской России жизнь вовлекала Георгиевских кавалеров в удивительные перипетии. Хотя о подвиге Куцинского писали много, дальнейшая судьба его не была известна. К счастью, архивные документы помогли проследить последующую жизнь этого пастыря, сохранив для потомков весьма интересное продолжение.

Казалось, перед отцом Трофимом разворачивались отличные перспективы. Но, награжденный Екатериной II, он был лишен креста Императором Павлом I. При восшествии на трон Государя Александра I судьба вновь проявила милость к герою турецкой войны, и по повелению нового Императора крест отцу Трофиму был возвращен. Суть этой почти детективной истории разъясняет «Список, учиненный в Комиссии для пересмотра прежних дел уголовных сосланным людям в разные места».

Комиссия была создана при Императоре Александре I. Она разбираала апелляции лиц, пострадавших в предыдущее царствование. Среди бумаг, произведенных Комиссией, имеется доклад, предназначенный для ознакомления Александра I с делом опального священнослужителя.

Полагаем, имеет смысл привести этот колоритный документ целиком. Интересующие нас события излагаются в нем в хронологическом порядке: «В Марте месяце 1797 года бывший подольский военный губернатор извещал генерал-прокурора, что из Могилева на 2 Ноября получил он письмо от находящегося там протоиерея Трофима Куцинского, который в бытности его в одном доме слышал произносимые важные слова такого содержания, как только

⁴ Можно заметить, что к подобной ретуши начинают прибегать особенно интенсивно не в лучшие времена, живая истина не требует румян. Но после введения «Духовного регламента» Петром I в церкви усиливается обрядность и формализм; в эту эпоху на иконах появляются барочные завитушки, а церковную жизнь все чаще стараются приспособить в качестве инструмента для достижения вполне мирских целей.

донести он должен пред самым лицом Императорского Величества и просил ради сего донесения отправить его ко Двору, почему с сим военного губернатора отношением он тогда и был прислан [в Санкт-Петербург].

В допросе важном от него, Куцинского, в бывшей Тайной Экспедиции, показал он, что в Генваре месяце того 1797 года, был он, Куцинский, у преосвященного Иоанникия [Никифоровича Полонского] Епископа Брацлавского и Подольского, где находился архимандрит Камецецк-Подольский Созонт и протопоп Кирилл Малявна; между посторонними разговорами, тогда Епископ спросил его, Куцинского, читал ли ты нынешния газеты, на что отвечал, что читал; Епископ спрашивал его, что ты в них видел, – видел изъявленную Монаршию ко многим милость; а Епископ сказал: какая милость...

Когда же он, Куцинский, объявил Епископу намерение свое ехать в Москву с правдою к Государю Императору, что из отпущенных на присоединение униатских церквей 20 000 рублей ни он, Куцинский, ни другие ничего не получили, и о коих он слышал, что предшественнику его, Иоанникию, архиерею Виктору [Садковскому] даны были; то Епископ Иоанникий противу сего предоставил примеры с Надворным Советником Вольковским и штатом Генерал-фельд-маршала графа Суворова, из которых первого послал в Сибирь, а последних требует под суд, хотя покойная Государыня их простила, из чего можно видеть милостив ли он?

По докладу такового его, Куцинского, допроса покойному Государю Императору 2 Марта 1797 года последовало Высочайшее повеление дальнейшее рассмотрение сего дела возложить на Синод и особенно на митрополита Гавриила [Петрова], приказав Генерал-лейтенанту Бехлешову выслать сюда [в Санкт-Петербург] преосвященного Иоанникия и во исполнение сего Святейшему Правительствующему Синоду производя следствие доносил, что хотя Куцинский, ссылаясь на двух свидетелей – архимандрита Созонта и протопопа Малявну и доказывал, что Епископ будто бы между прочим сказал: «Та скончалася, которая была милостива, а он уже не милостивый», приводя сему пример Адриана Вольховского и Суворова свиту, но Епископ в том не признался, представляя, что когда Куцинский намеревался трудить Государя Императора о награждении его за труды при обращении из унии в благочестие церквей, народа и священников; то чтобы отвлечь его от сего дерзновенного предприятия, приводил примеры Монаршего Правосудия и заслуженного преступниками взыскания им, Куцинским, упоминаемая, сказав: «Что Государь хотя и милостивый, но он также и правосуден» и что он, Куцинский, за труды свои сам собою уже себя вознаградил, взимая взятые с присоединяющихся от унии.

Согласен с сим оправданием и свидетель архимандрит Созонт, а другой протопоп, Малявна, отозвался, что хотя при том разговоре он и был, но от недостатка в слухе говоренных речей понять не мог. А посему Синод в рассуждении прежде оказанных Куцинским заслуг по поощрении войска к храбрости при взятии Измаила, за что по Высочайшему соизволению награжден он саном протоиерея и брильянтовым крестом для ношения на шее на Георгиевской ленте, а потом и ежегодно по смерти 300 рублей пенсию, полагал его, Куцинского, от следуемого по законам наказания свободитъ, а только сняв с него помянутый крест, лишитъ священства вовсе и представить рассмотрению Гражданского Правительства для определения куда годным явиться, оставя при нем пожалованную ему пенсию.

На сие 28 Июля того же 1797 года Его Императорское Величество Высочайше повелеть соизволил: «Куцинского за ложный донос не снимая сана послать в монастырь и сняв с него крест и не производить пенсионна», о исполнении каковой Высочайшей воли и писано было от Генерал-прокурора князя Куракина к митрополиту Гавриилу, а сей его известил, что Куцинского велено послать в Полтавский монастырь, который и был туда отправлен.

А в Феврале месяце 1799 года Святейшего Правительствующего Синода обер-прокурор доносил Генерал-прокурору, что 20 Октября 1798 года митрополит Гавриил словесно предложил Синоду, что Его Императорское Величество на докладе его Преосвященства Высо-

чайше указать соизволил Куцинского освобождая из вышеупомянутого монастыря и не переводя из тамошней Епархии определить на такое священническое место, которое было бы не из лучших, и где он был бы под особливym тамошнего Архиепископа присмотром, вследствие чего по сделанному от Синода предписанию и определен он, Куцинский, в самом городе Чернигове к приходу Богоявленской церкви.

Куцинский в поданном в Комиссию прошения пишет, что он природою из Сербов, уроженец Молдавского Княжества, сначала имел жительство в городе Яссах, где был священником, и по собственному желанию в 1782 году, по выходе в Россию определен был тем же саном в пехотный Полтавский полк, в котором служил двенадцать лет, участвовал в походах и сражениях сначала в Крыму, потом под Очаковым, Бендерами, Киллесею, и при страшном штурме во время взятия города Измаил, где во ободрении российских войск шел по лестнице на приступ, имея едино оружие Крест Спасителя, за что блаженной и вечно достославной памяти Великая Государыня Императрица Екатерина Алексеевна Всемилостивейше пожаловала ему пенсию по 300 рублей в год и крест с брильянтами на Георгиевской ленте; по увольнении от полку в 1794 году дано было ему протоиерейское место в Подольской губернии в городе Могилеве, где он открывал благочестие и присоединил к православию до двухсот тысяч мужеского пола душ, и 350 церквей устроил, а в 1797 году к несчастию за справедливый донос предан осуждению и почтен виновным, лишен места, пенсии и креста и в заточении год и четыре месяца был содержан в Полтавском Крестовоздвиженском монастыре, потом Высочайшим повелением из она-го монастыря освобожден, и определен к служению в городе Чернигове при Богоявленской церкви в самый беднейший приход, от коего и дневного пропитания с семейством иметь не мог, поелику Святейший Синод предписал указом к Малороссийскому Архиепископу как можно его, Куцинского, покрепче под присмотром держать и самый худой приход дать, где он был содержан два года с половиною; видя же Черниговские граждане хорошее его с ними обхождение, свидетельствовали о его добром поведении, каковое свидетельство и прошение послано было от него на Всевысочайшее рассмотрение, которым просил в выше донесенной [жалобе? неразб. слово] своей прощения, но и в том остался без утешения, а только получил паспорт о свободном проезде в Молдавию, по коему он выехал в Яссы.

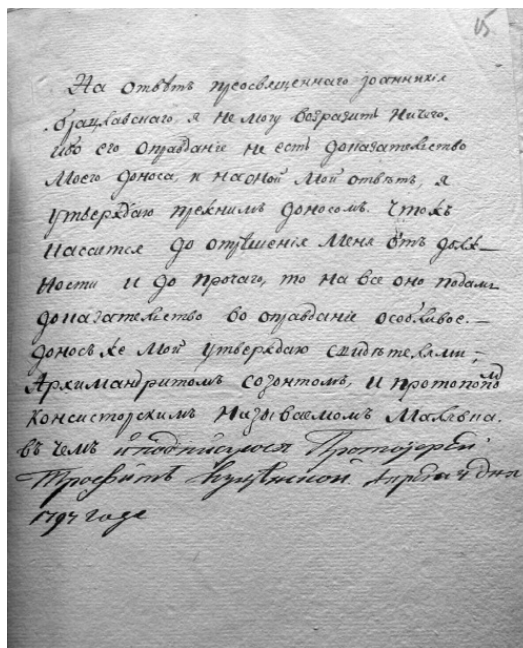
По воследовании Высочайшего манифеста [Александра I], коим прощены бывшие в заточении [при Павле I] и позволено возвратиться находящимся вне Государства, предпринимал он смелость послать чрез почту прошлого 1801 года Апреля 11 числа на Всевысочайшее имя всеподданнейшее прошение, и по оному удостоился Высокомонаршей благодати получить пенсию, **точно креста, яко отличного знака, Святейший Синод не возвратил** [выделено нами. – Авторы].

Решился даже выехать в Россию, но как усердие его и ревность беспрерывно стремятся к служению, то и просил Святейший Правительствующий Синод определить его в какой-либо армейский полк, но оное прошение было выдано ему обратно. Просит о возвращении Всемилостивейше дарованного ему за отличность креста, и об определении по-прежнему в Подольской губернии город Могилев к месту его служения.

Комиссия, рассматривая сие дело, хотя по обстоятельствам онаго заключает, что протоиерей Куцинский по недоказательности выводимого им на Епископа Иоанникия доноса и оказался виновным; но поелику уже он потерпел за сие наказание, во-первых, лишением в Подольской губернии места, а затем заключением в монастырь и определением наконец к беднейшему приходу, отчего принужден был скитаться по различным местам, паче же всего видя оказанные им весьма знаменитые и предприимчивые подвиги, не щадя жизни своей при штурме города Измаила, где он в... [воодушевляя? неразб. слово] штурмующих с крестом пошел впереди по лестнице на стену и таковою же неустрашимостью старался подавать пример российскому войску к совершению такового важного предприятия взятием города Измаила, а посему во уважение его усердия и в поощрение других на подобные подвиги, Комиссия осмели-

ваются Вашему Императорскому Величеству Всеподданнейше представить, не благоугодно ли будет Высочайше повелеть возвратить ему, Куцинскому, имевшийся им на Георгиевской ленте крест, Всемилостивейше пожалованный ему за отличное дело. Что касается до определения его к месту служения, то сие предоставить рассмотрению Святейшего Правительствующего Синода».

Против последней фразы подписано: «На подлинной Высочайшей конфирмации тако: «Согласен».

Страница из дела Куцинского с его автографом внизу

Итак, мы видим, что отец Трофим обвинял архиерея в очень серьезном по тем временам преступлении – оскорблении Государя (как так: Государь – и «немилостивый»?), а также в растрате 20 000 рублей казенных денег, выделенных на помощь духовенству, обращавшему униатов. Владыка Иоанникий, отрицая эти обвинения, сам указал на взяточничество отца Трофима с «присоединяющихся от унии» и что священник хотел без согласи я на то Иоанникия просить Государя о награде за такое миссионерство.

В Тайной экспедиции все дело свелось к вопросу, говорил ли владыка Иоанникий, что Павел I «немилостивый» или не говорил. Так, в отзыве Министерства Юстиции под заглавием «О доносе на епископа Иоанникия» суть дела сводится к следующему экстракту: «Епископ <... > непристойным образом якобы рассуждал о оказываемых от Его Императорского Величества милостях, которые состояли в том, что та умерла, кая была милостива, а он уже не милостивый». Более ни о чем в справке по делу епископа Иоанникия, предоставленной Министерством в Комиссию по разбору прежних уголовных дел, не говорится. О потерянных двадцати тысячах речи нет.

«Русский биографический словарь» А.А. Половцова отмечает, что «на долю Иоанникия выпала забота по искоренению унии и укреплению в вере воссоединившихся с Православной Церковью» в Подолии⁵ и что «о нем осталась слава как о покровителе сирых и вдов».

Между тем, как удалось выяснить, часть денег действительно пропала. В 1794 году Высочайшим указом на содержание духовенства, обращающего униатов, было отпущено 20 000

⁵ Подолия – область на юго-западе современной Украины. Частично вошла в состав Российской Империи после раздела Польши 1792 года.

рублей в общее распоряжение епископа Виктора (предшественника Иоанникия) и Черниговского генерал-губернатора. А в Указе Святейшего Синода от 17 декабря 1800 года говорится, что 7000 рублей из этой суммы «затерялись» и найти их не представляется возможным.

Доказать слова Иоанникия отец Трофим не смог. Один из его свидетелей дал показания, согласные с архиереем, а другой – *«протопоп Малявка, хотя при том разговоре был, от недостатка в слухе говоренных речей понять не мог»*, и священника осудили.

Поражают миссионерские труды отца Трофима Куцинского («присоединил к православию до 200 000 мужеского пола душ и 350 церквей устроил») и жесткость Святейшего Синода: *«Лишить священства вовсе и представить рассмотрению Гражданского Правительства для определения куда годным явиться»*. Иными словами, бывшего священника могли, наказав кнутом или батогами, отправить в рудники, вечные работы в Сибирь или в солдаты. Только благодаря «немилостивому» Императору Павлу I с отца Куцинского не был снят сан, и через полтора года он был освобожден из заключения в монастыре. Содержание в монастырских тюрьмах было порой страшнее, чем в казенных.

Интересно и другое наказание от Святейшего Синода – определение «к беднейшему приходу» – то есть к голоду вместе с семьей (*«отчего [Куцинский] принужден был скитаться по различным местам <...> и дневного пропитания с семейством иметь не мог»*).

После прощения отца Трофима Святейший Синод, по всей видимости, не осмелился послушаться Императора, и наперсный крест, украшенный брильянтами, вернул. Но переписка Синода и отца Куцинского, продолжавшего везде искать справедливость, на этом не завершилась. В конце концов, отец Трофим попросился домой «в город Яссы навсегда», а Синод был рад избавиться от назойливого жалобщика. Так, в 1805 году был издан следующий Указ:

«Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского из Святейшего Правительствующего Синода Синодальному Члену, армии и флота обер-священнику, протоиерею и кавалеру Павлу Озерецковскому минувшего Мая 8 дня Святейшему Правительствующему Синоду доношением от Вас предоставлено об увольнении находящегося при Олонецком Мушкетерском полке протопопа Трофима Куцинского по прошению его с семейством своим в прежнее Отечество его в город Яссы навсегда с произведением ему и Всемилоостивейшие пожалованной пенсии по 300 рублей в год, которая в 1801 году была ему ассигнована чрез Генерального Российского в Яссах консула, вследствие чего Святейшим Синодом определено было в рассуждении того, что он, Куцинский, был помещаем оным по сим Высочайшего повеления состоящим 1802 года Сентября в 4 день на подносимым от Комиссии по пересмотру прежних дел уголовных списке к разным местам, не только нигде по непостоянству мыслей своих не утвердил пребывания своего, но отрекаясь еще от оных под различными предложениями, наносит начальству в рассмотрении просьб его излишнее затруднение [выделено нами. – Авторы], доложить об оном Его Императорскому Величеству предоставить Синодальному Господину Обер-прокурору статс-секретарю действительному камергеру и кавалеру князю Александру Николаевичу Голицыну; который минувшего Июня 14 дня объявил, что Его Императорское Величество согласно с представлением Святейшего Синода изъявил Высочайшее свое соизволение на увольнение его, Куцинского, за границу в город Яссы с оставлением при нем и пожалованного по 300 рублей пенсионера».

В начале следующего, 1806 года отец Трофим умирает.

В том же году вдова священника через ясского консула подает прошение в Комитет Министров графу В.П. Кочубею. Она пишет, что осталась одна с четырьмя малолетними детьми *«в крайне тяжелом положении»*, перечисляет заслуги мужа, прежде всего, при штурме Измаила, и просит продолжить выплаты пенсии покойного или хотя бы ее половины. Просьбу вдовы отослали в Святейший Синод.

Синод пенсии не дал.

2. Переселение сербов в Малороссию

Протоиерей Филофей Вуколин Владевич

Серб Филофей Вуколин Владевич – еще один священник, пополнивший список Георгиевских кавалеров за участие в штурме Измаила. Мы не знаем точно, когда он родился, известно лишь, что около 1730 года был рукоположен в священный сан. Если это произошло хотя бы в 20-летнем возрасте, к моменту штурма стен крепости в 1790 году ему уже перевалило за 70.

Еще в царствование Императрицы Елисаветы Петровны он начал оказывать русскому правительству «большие гражданские услуги». Очевидно, под этими услугами подразумевается организация переселения сербов с земель Османской Империи в малороссийские Новую Сербию и Славяносерию.

Из аттестата, выданного священнику Яковом Эздемировичем, видно, что *Филофей Владевич* выполнял порученное ему дело со всем тщанием, в результате чего был заключен турецкими властями в тюрьму, из которой освобожден выкупом, лишившись через то всего своего состояния. Документ содержит также любопытные подробности, проливающие свет на то, как оказывались эти самые «гражданские услуги». Материалы, касающиеся серба Филофея, были опубликованы в «Записках Одесского общества истории и древностей» за 1872 год.

Аттестат.

По указу Ее Императорского Величества. Я нижеподписавшийся Славяно-Сербии команды господина генерал-Мајора Прерадовича секунд-мајор Эздемирович дал сей аттестат вышедшему из турецкой области православной кафелической веры греческого исповедания священнику Филофею Вуколину сыну Владевичу о том, что оный Владевич от 754 года, как мною чинимым о самохотном в высокославную Ее Императорского Величества Империю выход Сербскому народу вызов, в то время испрошен он мною от тамошнего сербского святейшего патриарха Гавриила и пецкого для вспоможения в вызове мною означенного народа и преподающий по христианскому закону треб, находился он все то время при мне в той турецкой области, прилагая свои старательства до 756 года, а по отходе моем с некоторым собранным числом народа в Россию, оный священник оставлен мною при другом числе таковым же желающим к переходу в Росийскую Империю народе, для вспоможения их во всех нужностях, а паче для увещевания к лучшему в выходе умножения до моего прибытия, которой как со мною паче же и по отъезде моего за вызов вышеписанного желающего в Россию народа, многие от турок нападения, тож под караулом в железках в турецкой тюрьме чрез 6 месяцев держимый претерпевал все крайние изнурения и нужды, от чего избавляя себя искупом, и мушкетства своего лишился [выделено нами. – Авторы]. Когда ж паки я из России с Высочайшим Ее И. В-ва указом для выходу означенного оставшегося с ним народа в пограничной цесарской город Петервардин в 757 году сентября 3 дня прибыл, то он Владевич как скоро чрез

письмо мое о приезде моем уведал, тотчас с упоминаемым оставшимся народом из турецкой области ко мне прибыл, и со оным на вербованным мною народом, в 1758 году в Россию следовал, с преподаванием оному народу всяких по христианскому закону треб, даже до города Киева. И понеже вел себя постоянно, и по умножению в вызове в высокославную Российскую Империю иностранного народа прилагал неусытное и рачительное старание в трезвенном кондуитом беспорочно, так как до сана священнического принадлежит, со всяким благочинием вел себя, чего ради я о таковом его Владевича добропорядочном во всем старании сим аттестатом свидетельствую. Марта 19 дня 1763 году.

Секунд-майор Яков Эздемирович.

Мы видим, что Славяносербия пополнялась исходом подобных групп из завоеванных Османской Империей земель, и узнаем точный год прибытия переселенцев с отцом Филофеем в Россию: 1758. Дальнейшая судьба и послужной список отца Филофея по-военному четко изложен уже после штурма Измаила Матвеем Платовым:

Аттестат.

Священник Филофей Владевич во время бытия своего в турецкой области в городе Ужнице в 1754 году с майором Эздемировичем проходил разные турецкие города и села, из которых вызываемы были народы в Россию на жительство, за что по узнанию турками был он взят и содержится в темнице чрез шесть месяцев, при чем имение его все забрато и дом собственный до основания разорен. А по выходе его в 1758 году в Россию определен полковым священником в старой Македонской полк, при котором и находился в бывшей тогда Прусской войне, а по переводе в Жолтой гусарской полк был и в прошедшей турецкой при взятии городов Бендер, Белгорода и других, до окончания той войны. Сверх же того во время упряднения Запорожской Сечи и по многим местам продолжал походы; а с начала нынешней с турками войны находился при взятии городов Очакова, Бендер и Кили, также и при штурме Измаила был в четвертой козацкой колонне, шел с нею на лесницу и ободрял войско к поражению неприятеля, где прострелен пулею у него с правой стороны в рясе рукав; а по окончании штурма находился при раненных в преподавании по должности священнической христианских треб, и ныне продолжает службу при войске Екатеринославском вверенном мне.

Бригадир и кавалер Матвей Платов.

Матвей Иванович Платов – тот самый казачий атаман, который в грядущей войне 1812 года будет командовать всеми казачьими полками. Аналогичное представление дал отцу Филофею и Михаил Голенищев-Кутузов, на тот момент командующий Бугским егерским корпусом.

Сербские военные поселения в Малороссии начали возникать на правом берегу Днепра, севернее нынешнего Кировограда⁶ на Украине. Мысль о заселении пустынных донецких степей посетила еще Петра Первого. По этим степям проходила фактическая граница с Крымским ханством, постоянно будоражащим окраины России своими набегами. Сербь, гонимые со своих земель, готовы были к массовым переселениям, и их присутствие на землях Малороссии было выгодно как России, так и самим сербам. Первая грамота на вывод сербов из Австрии была выдана Петром I майору Албанезу в 1723 году.

Но до реального появления поселения сербов в Малороссии прошло еще несколько десятилетий. Лишь при Елизавете полки Ивана Хорвата основали Новую Сербию, а чуть позже на юге Луганщины, между речками Бахмуткой и Луганью, стараниями Ивана Шевича и Райко

⁶ Кировоград возник на месте Елисаветграда – крепости Св. Елизаветы, которую начали строить на территории Новой Сербии в 1754 году. А вся Новороссийская губерния образовалась в 1764 году из Новосербского корпуса, где в гусарские полки было поголовно записано все мужское население.

Прерадовича возникла Славяносербия. Новое административное образование подчинялось непосредственно Сенату и Военной коллегии. Административным центром, общим для обеих областей, стал город Бахмут. Соответствующие указы, касающиеся Славяносербии, Императрица Елизавета Петровна выдала Шевичу и Прерадовичу 29 марта и 1 апреля 1753 года. На ландкарте были обозначены четкие границы поселения, охватывавшего собой область от Бахмута до Луганска.

Сами же поселенцы сравнивали свою жизнь на новых землях с положением уцелевших после кораблекрушения на необитаемом острове. В первый год народ откровенно голодал – приходилось питаться диким чесноком и прочими травами. Только на второй год удалось устроить огороды, засеять хлеб и обзавестись птицей и домашним скотом. Однако крымские татары и ногайцы не переставали время от времени отбирать у новоприбывших последнее. Так что дел у Шевича и Прерадовича на новом месте хватало.

Собственно, задачей военных поселений было формирование гусарских полков. И хотя Шевичу и Прерадовичу не удалось набрать достаточного количества воинов, все же в Славяносерию перебралось около тысячи сербов: в команде Шевича было более шестисот человек, и в команде Прерадовича – более четырех сотен.

Отец Филофей, как видно, вербовал свою группу на территории Османской Империи, а потом сопровождал ее на всем пути до самой Малороссии, духовно окормляя переселенцев. Очевидно, таких групп было много, но все равно требуемого количества переселенцев собрать не удалось. По причине недокомплекта конные гусарские полки Шевича и Прерадовича (приставка де- появилась, чтобы подчеркнуть дворянское происхождение) были слиты в 1764 году в один Бахмутский гусарский полк. К августу 1764 года в полку числилось 1089 человек.

На Российской земле до второй Турецкой войны отец Филофей успел прослужить полковым священником более тридцати лет. В 1791 году «за отличие при штурме крепости Измаил 11 декабря 1790 года» он был Высочайше пожалован наперсным крестом на Георгиевской ленте, украшенным брильянтами, и саном протоиерея. Крест, присланный от действительного статского советника А.А. Безбородко, был возложен на отца Филофея архиепископом Екатеринославским, Херсонским и Таврическим Амвросием (Серебренниковым) 9 января 1792 года.

Однако, в отличие от отца Трофима, пожизненная пенсия ему назначена не была. Отец Филофей считал это несправедливым, и в январе 1793 года отправил в Святейший Синод «ходатайство о назначении за его подвиги пенсии». В нем он пишет: *«В прошедшую турецкую войну [1768–1774 годов] был при взятии городов: Бендер, Белгорода и других до окончания той войны, где и братья мои два, будучи уже офицерами, убиты. С начала же оконченной в прошедшем 1791 году с турками войны был при взятии городов: Очакова, Бендер, Киши, а также и при штурме Измаила с казачьею колонною лез по лестнице в крепость, где прострелен у меня пулею с правой стороны в рясе рукав, за что награжден от Ея Императорского Величества крестом. Бывший же на сем штурме протоиерей Куцинский получил равно со мною крест и сверх онаго по 300 рублей в год от казны пенсии».*

Отца Филофея действительно могло задеть сравнение с Трофимом Куцинским. Налицо имелась и прострелянная ряса, и турецкая темница, и имущество, потерянное ради выполнения задания России... По завершении военной кампании он вполне мог остаться хоть и с золотым крестом, украшенным бриллиантами, но без прихода и, соответственно, без средств к существованию. Учитывая нищету поселенцев, в период между войнами положение полкового священника могло быть отчаянным. Ежегодная пенсия при этом являлась существенным вспоможением. Так что подать прошение отца Филофея могла вынудить крайняя нужда, а не только ущемленное чувство справедливости. В массе своей священники, а тем более священники, лишившиеся постоянного прихода, не могли похвастаться приличным достатком.

К прошению отец Владевич приложил множество аттестатов, выданных разными воинскими начальниками, где очевидцы в один голос свидетельствовали, что при штурме Измаила отец Владевич *«шел впереди с крестом для ободрения военнослужащих и всходил тут же на лестницу, никогда не отлучаясь, за которым и все яко за усердным к Богу молитвенником шли и побеждали неприятеля с немалою бодростию тако, что вся колонна весьма сим одолжена»*. Хотя здесь наше воображение пасует перед картиной 70-летнего старца в рясе, вместе с солдатами цепляющегося под градом пуль за хлипкие перекладины качающейся 6-метровой лестницы... Но кто знает, как оно было на самом деле. Сегодня нам трудно представить, на что были способны наши предки более чем 200 лет назад. Может быть, отцы командиры не сильно отступали от истины в своих аттестатах, желая оказать помощь пожилому священнику.

Надо отдать должное тому, что сама Императрица нашла возможность восстановить справедливость в отношении полкового священника. 16 февраля 1793 года через генерал-майора В.С. Попова, личного секретаря Г.А. Потемкина, Императрица повелела митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Гавриилу пристроить отца Филофея «к месту по его званию». И хотя ежегодной пенсии отец Филофей все-таки не получил, от Монарших щедрот была ему выдана единовременно тысяча рублей.

И вот, уже 19 августа 1793 года Указом Екатеринославской духовной консистории настоятель Дубосарского Успенского собора протопоп Филофей Вуколин Владевич был назначен первоприсутствующим Дубосарского духовного правления. Думается, что отец Филофей к концу жизни не имел оснований считать себя обделенным знаками внимания, а главное – плодами своих дел на новой Отчизне.

Кроме ратных подвигов и выполнения обычных для военного священника обязанностей, отец Филофей заложил немало храмов по Малороссии. Сложно сказать, сколько православных храмов обязано своим основанием деятельному сербу, но, по крайней мере, достоверно удалось установить несколько таких церквей.

Так, 21 сентября 1793 года протоиерей Филофей Вуколин Владевич заложил деревянную Свято-Покровскую церковь в имении полковника Ивана Онуфриевича Куриса. Церковь была заложена в память победы, одержанной русским десантом на Кинбурнской косе под командованием Александра Васильевича Суворова. Иван Онуфриевич Курис, действительный статский советник, волынский губернатор и тоже кавалер ордена св. Георгия 3 ст., сам участвовал в этом десанте. Небезынтересна будет и история награждения Куриса. Награду свою он получил от самого Суворова. Когда в 1793 году после успешного окончания войны с Турцией Императрица Екатерина II предложила Суворову единственный орден для того, чтобы отметить «храбрейшего и достойнейшего» из его подчиненных, Александр Васильевич выбрал именно Куриса. Кстати, сам Курис был грек, его семья точно так же, как и семьи сербских переселенцев, вынуждена была искать пристанища на землях Малороссии. С закладкой Покровской церкви была основана и Покровская слобода. 6 января 1796 года состоялось открытие прихода.

Покровская церковь в Петровке. Фотография 1920-х годов

Еще одна церковь находится в поселке Красные Окны⁷. В 1792 году отец Филофей заложил здесь храм в честь св. Георгия.

В 1792 году протопопом Филофеем Вуколином Владевичем была заложена церковь во имя св. ап. Иоанна Богослова в селе Бирзулы. Сейчас здесь высится просторный Свято-Никольский храм, в котором также бережно хранят память об отце Филофее.

⁷ Название «Красные Окны» не имеет никакого отношения к эпидемии переименований, окрасившей после революции в красный цвет полстраны. Этимология названия восходит к молдавскому «окны» и означает ни что иное как «красивые ручейки».

Цена Георгиевской ленты

Черногорский резидент архимандрит Стефан (Вукотич)

Контакты России с православными народами Балкан не ограничивались вопросами эмиграции. Неоценимую помощь оказали черногорцы в русско-турецкой войне 1806 года. Успешные военные действия требовали тесного взаимодействия: России важно было представлять себе современное состояние дел в районе боевых действий, поддерживать тесные отношения с местными повстанцами, координировать местное сопротивление с военными операциями русских войск.

Подобные задачи в современном мире решаются службами внешней разведки, но в конце XVIII века такого органа еще не существовало, и православное духовенство Балкан нередко брало на себя эти функции. Оно выполняло для России разнообразные дипломатические и разведывательные поручения, обеспечивало контакты с властями и местными жителями.

Несмотря на свою немногочисленность, черногорцы проявляли невиданное упорство в сопротивлении туркам. Они всегда ощущали себя неотделимой частью более крупного целого, причем не только на Балканах, но и во всем мире. Надо вспомнить, что именно Черногория оказалась единственным союзником России в русско-японской войне 1904 г., хотя, конечно, она мало чем могла помочь в боевых действиях, происходящих на другом конце Земли. Многовековая борьба с Османской империей создала у этого народа сильное чувство локтя и в непрерывных войнах закалила боевой дух. Черногорцы, как и сербы, проявили себя бесстрашными воинами, всегда готовыми поддержать союзников.

Егор Петрович Ковалевский, знаменитый путешественник и почетный член Петербургской Академии наук, исследовавший Черногорию изнутри, говорил, что конфликты с турками в XIX веке случались там регулярно с частотой 1–2 раза в неделю, в итоге в живых оставался только каждый второй черногорец. Свобода доставалась этому народу дорогой ценой.

У России с Черногорией уже давно сложились самые тесные отношения. Еще при Петре Великом, 16 апреля 1712 года *«обязался клятвою Черногорский народ за себя и потомков служить Ему Великому Государю против всякого неприятеля в сопредельных сему народу землях на своем собственном иждивении»*. Это же намерение было подтверждено и в прошении черногорцев к Императору Павлу I от 10 мая 1798 года. Прошение доставил архимандрит Стефан (Вукотич), служивший Российской Империи с 1788 года. Как выявила исследователь Елена Валентиновна Исакова, отец Стефан выполнял поручения подполковника графа Ивелича *«для приведения в единомыслие черногорских и бердских сердарей»* (начальников военных дружин), призывал своих соотечественников к борьбе с Портой и привлекал местных матросов к службе в российской эскадре. В 1799 году *«за усердие Всероссийскому престолу»* был пожа-

лован наперсным крестом. По окончании войны 1806–1812 годов Стефан (Вукотич) остался при Черногорском митрополите Петре I Негоше, выполняя особые дипломатические поручения.

Во время Русско-турецкой войны 1806–1812 годов отец Стефан служил на корабле и, по отзыву капитана графа Войновича, *«при ревности к Российской Императорской службе вел себя добропорядочно»*. В 1806 году, неся службу на Российском флоте, он *«оказал ревность и усердие к пользе в интересе Государя Императора, соглашая жителей по духовенству и по его доверенности от народов <...> в привязанности их к России»*.

Кроме того, в марте 1806 года Стефан (Вукотич) участвовал в боевых действиях Второй Архипелагской экспедиции на о. Корчула. Остров был включен в состав Габсбургской империи после раздела Венецианской республики, а в 1806 году отнят у австрийцев Наполеоном. Россия стремилась сохранить базу для своего флота на Адриатике и Ионических островах. При активной поддержке черногорцев адмиралу Д.Н. Сенявину удалось не только овладеть ключевой крепостью в Которском заливе, но и отбить у французов земли Далмации, в том числе о. Корчулу.

Вот как описывает это сражение В. Г. Броневский в «Записках Морского Офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 год»

«...26 ноября [1806 г] главнокомандующий, посадив на корабли: "Селафаил", "Елена", "Ярослав", фрегат". Кильдюин", на 2 транспорта и 5 бокезских корсеров, два батальна егерей, с 150 человеками лучших черногорских и приморских стрелков, отправился к острову Курцало⁸. Чтобы не вредить домов и не убивать безвинных жителей, адмирал приказал, проходя крепость, не начинать прежде пальбы, пока не откроет оной неприятель; но коль скоро 27-го ноября первой корабль поравнялся с крепостью, французы открыли огонь. Каждое судно, проходя, выстрелило по крепости по два и по три заряда на пушку. Пройдя за выстрел, эскадра стала на якорь. 28-го предложена была капитуляция; но французский комендант не согласился, и сказал, что жителей не он, а мы должны беречь».

29-го числа на рассвете была вылазка десанта числом более тысячи человек в 4 верстах от крепости. Выманив французов, черногорцы открыли по ним огонь и отступили, завлекая их под огонь русских егерей. Однако французы, увидев, что их атакуют с флангов, бросились в бой. Силами поддержки морских солдат французов удалось обратить в бегство. В этом бое отличился брат св. митрополита Петра Негоша Савва Петрович, воевавший вместе с черногорцами и приморцами (жителями приморских городов нынешней Черногории) при поддержке нескольких русских егерей.

«30 ноября, корабль "Ярослав", с вооруженными гребными судами, открыл огонь по крепости, в то же время и войска напали с сухопутной стороны. Французы ответствовали пушечными и ружейными выстрелами, но чрез несколько минут замолчали, спустили флаг и подняли белый. По сигналу пальба прекратилась, французский гарнизон вышел, положил ружье, и сдался на власть. Затем наши войска вошли церемониально в крепость и подняли Императорский российский флаг (всем нижним чинам за взятие острова Курцало Государь ИМПЕРАТОР соизволил пожаловать по рублю на человека). В плен взято: полковник Орфенго, 13 штаб- и обер-офицеров и 389 рядовых 81-го полка, убитых на месте 6 офицеров и 150 солдат, раненых офицеров – 3, нижних чинов – 45, всего: 607 человек. Потеря наша убитыми: офицеров – 3, солдат и черногорцев -21, ранено штаб- и обер-офицеров – 9, нижних чинов -66. В крепости получено в добычу пушек 14 с довольным количеством пороха и снарядов. Во избежание затруднения в содержании пленных, отправлены они на честное слово не служить до размена находящихся во Франции, чин за чин, здоровье в Анкону, а раненые в Спалатру».

⁸ В документах остров именуется то *Курцало*, то *Куцола*. Современное название – Корчула.

О. Корчула в XIX в.

В том же 1806 году отец Стефан был представлен Императору Александру I и 12 августа получил назначение на должность обер-иеромонаха Средиземноморской эскадры. А за участие в штурме крепости на острове Корчула был награжден золотым наперсным крестом, украшенным бриллиантами и изумрудами, из Кабинета Е. И. В., ценой в 2 300 рублей.

В 1808 году отец Стефан подает необычное прошение: он просит Высочайшего разрешения носить полученный крест на Георгиевской ленте «*в воздаяние [того, что] во время сражения с Турками 19-го числа июня прошлого 1807 года <...> я равномерно по всем силам своим старался возбуждать и поощрять людей к мужеству и поражению неприятеля*». Видимо, указание на боевой характер награды для него оказывается гораздо важнее, чем сам факт признания заслуг.

Проьба была удовлетворена. Адмирал Павел Чичагов в письме к князю Александру Голицыну 3 февраля 1808 года отметил: «*Известный Архимандрит Вукотич просил о дозволении носить на Георгиевской ленте Всемилостивейше пожалованный ему в прошлом 1807-м году за военный подвиг крест, камнями осыпанный. Я имел щастие докладывать о сем Его Величеству и Государь Император Высочайше указать соизволил дать Архимандриту Вукотичу просимое им дозволение*».

Как пишет Исакова, помимо воинской службы у архимандрита были и другие задачи: «*Особое положение и особые обязанности, возлагаемые на нового обер-иеромонаха*» проясняются из рапорта вице-адмирала Д.Н. Сенявина П.В. Чичагову: «*Сверх сей должности я предполагаю употребить его по разным делам с духовными особами, имеющими сильное влияние на жителей здешнего края. Для чего он должен будет жить на берегу, иметь квартиру и содержание, приличное званию его, а иногда и особливые издержки для угощения тех особ, с коими будет иметь дело*». Учитывая особое положение и особые расходы отца Стефана, по Высочайшему повелению ему было назначено повышенное жалованье в 30 венецианских червонцев (или 2109 рублей 60 коп. в год) и порционных вдвое больше обыкновенных священников.

Хотя при взятии крепости на о. Корчула не было умопомрачительного штурма 6-метровых стен, как при Измаиле, из описания видно, что сражение было достаточно жарким. Можно обратить внимание и на то, что бой описан так, словно русские и черногорцы давным-давно участвовали в совместных учениях.

Вообще же, благодаря успешному взаимодействию русского правительства с сербами и черногорцами, продвижение войск под командованием генерала Михельсона в самом начале войны (Далмация, ноябрь-декабрь 1806 года) прошло на удивление легко. Этому способствовало и уже ослабшее на тот момент османское влияние в крае. Крепость Бока-ди-Каторо была отнята у австрийцев без единого выстрела. При виде Российского флага тысячи черногорцев спустились с близлежащих гор, и капитану Г.Г. Белли понадобилось лишь слегка возвысить

голос, чтобы за предоставленные в ультимативном порядке четверть часа австрийский флаг на крепости был спущен.

После взятия русскими войсками крепости Бока-ди-Катаро Вукотич вернулся на родину. 8 июля 1807 года он получил от вице-адмирала Сенявина инструкцию: «...узнавши на месте о положении Бока де Каттаро, будучи окруженного двумя неприятелями, меня уведомить, и впредь не оставлять Вашими известиями о сем крае, а равно и о положении Далмации и расположении тамошних народов. <...> Я уверен, что Ваше Преподобие ничего не упустите, что бы могло послужить на пользу службы и к благосостоянию обитателей». В 1808 году Вукотич передал графу Румянцеву подробный отчет о событиях и положении в Черногории.

Многие родственники и потомки архимандрита Стефана также служили России. Например, Иоанн Вукотич при Екатерине II обучался в шляхетском кадетском корпусе. Его дочь Елена Иоанновна вышла замуж за Александра Гавриловича Нациевского, впоследствии участника Бородинского сражения и взятия Парижа, генерал-лейтенанта (кавалера орденов: св. Георгия 4-й ст., Владимира 3-й ст. и 4-й ст. с бантом, Анны 1-й ст. и оружия с надписью «За храбрость»). В наши дни их потомок Олег Дмитриевич Нациевский – генерал-майор полиции. В 2000 году Вукотичи собирались в Черногории. На встречу приехали 600 родственников.

Церковь св. Трифона в Напрудном

С именем арх. Стефана тесно связана судьба московского храма святого мученика Трифона в Напрудном. Благочестивый купец Трифон Добряков, узнав о визите черногорского архимандрита Стефана в Москву, обратился через него к митрополиту и князю Петру Петровичу Негошу I с просьбой изготовить за свой счет серебряную раку для мощей его небесного

покровителя, покоящихся в г. Котор в Черногории. Петр Негош (ныне прославленный в лике святых как Петр Цетинский) в ответ прислал Трифону частицы св. мощей от главы св. Трифона. Вероятно, помощь от мощей была весьма ощутима. По крайней мере, когда в 1812 году Россию постигла великая

беда в виде нашествия Наполеона, Трифон Добряков счел нужным передать драгоценные мощи Императору Александру I. По окончании войны частицы мощей св. мч. Трифона были с почестями вновь внесены в храм св. Трифона в Напрудном.

4. Святой правитель Петр I (Негош) и его дипломат.

Архимандрит Спиридон Филиппович

Перед нами еще одна судьба архимандрита-черногорца. Как и Стефан Вукотич (см. предыдущий очерк), Спиридон Филиппович работал «для привлечения к России долмацких и на островах жителей» и, неся службу на Российском флоте, участвовал во Второй Архипелагской экспедиции под командованием адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина. Кроме того, архимандрит Спиридон Филиппович был доверенным лицом черногорского правителя и митрополита Петра I (Негоша) и резидентом Российской Империи в Европе (прежде всего в европейской Турции).

Петр I Петрович Негош (1748–1830)
(Свт. Петр Цетинский)

Имя Петра I Петровича Негоша уже упоминалось нами. Поскольку в России этот святой, прославленный церковью как святитель Петр Путинский, известен не столь широко, как в Черногории, где его знает буквально каждый, необходимо посвятить хотя бы несколько слов этой ключевой фигуре в истории отношений России с Балканами.

Петр I Петрович Негош (1748–1830) – личность легендарная. Ему удалось сплотить черногорские и брдские племена, организовав мощный костяк единого сопротивления Порте.

Судьба его замечательна еще и тем, что из нее мы можем увидеть достойный пример подлинного служения собственному народу, при котором нет места ни личным амбициям, ни личным обидам. Без сомнения, именно этот путь самоотречения во благо своих подданных привел коронованного митрополита к святости.

Для Черногории совмещение духовного и светского правления было явлением распространенным. Петр I Петрович, представитель династии Негошей, был пострижен в монахи в двенадцать лет, а в семнадцать – рукоположен во иеродиакона. В сан митрополита его посвятил Сербский митрополит Моисей (Путник) в 1784 году. Едва заняв место верховного правителя, князь Петр отправляется в Россию – добиваться помощи от Императрицы Екатерины II. Несмотря на то, что визит был согласован заранее, князь Потемкин не допустил его до дворца и самым обидным образом выставил из Санкт-Петербурга. Среди возможных причин такого

инцидента называют общение владыки с одним сербским генералом, числившегося у Потемкина в недоброжелателях, а также недавний визит владыки в Австрию. Так или иначе, пробыв всего три дня в столице, святитель был с помощью полиции насильственно посажен в карету, которую тут же погнали через Полоцк, сопровождая ее до самой границы Российской Империи.

Императрица, узнав о том, что владыку Петра не допустили до аудиенции, просила его вернуться, но тот, по приезде на родину, поклялся, что ноги его не будет в России. Тем не менее, владыка не мог допустить, чтобы личные обиды вредили народу, за который он держал ответ перед Богом. Поэтому, отвергая приглашение Императрицы, он прибавил: *«Прошу Ее Величество знать, что я всегда буду предан русскому царскому престолу»*. По прибытии же на родину, Петр Цетинский сказал: *«кто против России – тот против славян»*.

До нас дошло и его завещание, которое святитель Петр продиктовал черногорцам незадолго до своей кончины. В нем он по традиции назначал преемником своего племянника Раде, впоследствии митрополита, правителя Черногории, выдающегося реформатора и одного из самых чтимых поэтов сербской литературы. Завещание заканчивалось словами: *«Да будет проклят и тот, кто бы покусился отворотить вас от верности благочестивой и христолюбивой России, и всякому, кто бы из вас черногорцев пошел против единоплеменной и единой верной нам России, дай Бог чтобы у него у живого отпало мясо от костей, и не было бы ему добра в этой жизни и в будущей»*.

Сохранилось также немало документов из переписки святителя Петра с российскими чиновниками, и везде в них неизменно присутствует дух верности единоверному русскому народу, везде ощущается решимость в любой момент подтвердить свои слова делом. Так, в письме русскому посланнику в Венеции А.С. Мордвинову владыка пишет:

«Черная Гора со времен еще предков наших имела и имеет чрезмерное усердие к России и во всяком

случае не упускала оное показывать, когда только российские дела того требовали, и теперь по несчастю нашему всегда были оставлены, обвинены и забвению преданы. Но ревность наша не престаёт пылать к оказанию услуг наших России и в настоящем случае и тем паче возгорается, чем скорее помышляем по единоверию и единокровию нашему с тем народом, за коего мы умереть готовы».

В небольшой и какой-то очень домашней Черногории всё на виду. Каждый шаг, каждое слово правителя сразу получают самую широкую огласку. Так, народ Черногории был свидетелем тому, как владыка Петр не единожды самолично водил войска против неприятеля. В 1796 году он дважды (у села Мартиничи в июле и у села Крусы в сентябре) разбивает турок. Узнав об этом, Екатерина II наградила святителя Петра орденом святого Александра Невского с бриллиантами⁹, а только что вступивший на трон Император Павел I послал в Цетине дополнительно для отличившихся в бою воинов Георгиевские награды и назначил ежегодное денежное вспоможение для Черногории. Император ценил рыцарское поведение.

После падения Венецианской республики в 1797 году приморские города Бока Которская и Будва отошли к Австрии. Австрийцы захотели захватить монастырь Подмайне (Подострог) в Будве, чтобы превратить резиденцию черногорских митрополитов в крепость. Созванное владыкой Петром вече не позволило им этого. Когда после этого австрийцы послали к владыке предложение купить монастыри Подмайне и Станевичи, они получили достойный ответ: *«Засыпьте эти голые камни золотом, и тогда не удастся вам купить меня вашими деньгами... Что мы саблей добыли, то без сабли не отдадим, хоть бы до колен пролилась геройская кровь»*.

Но в отношениях с Россией случались и недоразумения. В 1804 году нашлись злопыхатели, оклеветавшие владыку перед русским Императором Александром I. Царь послал в Черногорию графа Марка Ивелича, родом происходившего из Боки Которской, и архимандрита

⁹ Орден был послан в Цетинье Павлом I уже после смерти Императрицы.

Стефана Вучетича, черногорского посланника при русском дворе. Они везли с собой письмо Святейшего Синода, в котором против владыки Петра выдвигались тяжкие обвинения, и по такому случаю ему предписывалось явиться на суд в Петербург. При этом архимандрит Стефан претендовал на то, чтобы заступить на место владыки.

Чтобы защитить доброе имя своего князя, черногорцы собрались на сход в Цетине. Они написали ответное послание, в котором отвергали обвинения как несправедливые и просили русского Императора прислать другого посланника, русского, чтобы тот мог разобраться во всем беспристрастно. Царь выполнил прошение, и прибывший вскоре новый посланник убедился в ложности выдвинутых обвинений. Митрополит Петр и старейшины поклялись в верности России, и прочные и добрые отношения с Россией были восстановлены. Перед приходом войск Наполеона это было исключительно важно как для России, так и для Черногории.

В 1805 году область Боко-ди-Каттара была передана австрийцами французам. Это было нарушением действовавшего соглашения с Россией, в котором было прописано, что в случае ухода из Которского залива Австрия не имеет права передавать Боко-ди-Каттара никакой другой стране. Область формально не была еще включена в состав Черногории и числилась под протекторатом Австрии. Собственно черногорцы населяли главным образом горные районы нынешней Черногории. Жители области Боко-ди-Каттара, не желая отдаваться во власть французов, объединились с черногорцами и перешли под власть митрополита Петра. Тем временем действия Наполеона не оставляли сомнений, что французы будут стремиться захватить Далмацию и все прилежащие земли. Соответственно, статус Черногории для России усиливался многократно.

Через тайного советника Сандковского владыке была послана финансовая поддержка в размере 3000 дукатов. По поводу включения области Боко-ди-Каттара в состав Черногории был сделан запрос в Петербург, и после полученного одобрения черногорцы спустились из горных областей в приморские города. Когда русские корабли вошли в залив, над портом был поднят флаг России. Русская эскадра под командованием адмирала Сенявина приняла в свой состав черногорцев в качестве морской пехоты. А об умении черногорцев сражаться говорит уже тот факт, что Далмация была в то время едва ли не единственным местом в Европе, где Наполеон терпел поражение.

Весной 1806 года была предпринята совместная операция в Дубровнике. Вице-адмирал Д.Н. Сенявин подошел к крепости с моря, а святитель Петр отрезал путь отступления французов с суши. 5 июня русские с черногорцами одержали здесь окончательную победу. В сентябре соединенные отряды русских и черногорцев разбили армию наполеоновского маршала Мармона. В ноябре 1806 года был взят о. Корчула, о котором мы писали в предыдущем очерке. Там вскользь упоминалось об отличившемся в боях брате св. митрополита Петра Савве. Он был награжден русским орденом св. Георгия 4-й степени. А самому владыке Император Александр I пожаловал белый клобук с алмазным крестом.

Как видно из документов, на кораблях находились и черногорские священники. В их числе нес свою службу и отец Спиридон Филиппович. Являясь фактически дипломатом высокого ранга, Спиридон Филиппович на протяжении всей своей жизни оставался верным курсу, выбранному Петром I Негошем: словом и делом помогать России *«по единоверию и единокровию с тем народом, за коего мы умереть готовы»*. За верность в служении архимандрит получил очень высокие, уникальные для своего времени награды: орден св. Владимира 3-й ст., митру, вышитую золотом, из Кабинета Е. И. В. ценой в 500 рублей, золотой наперсный крест, украшенный бриллиантами, из Кабинета Е. И. В. ценой в 2000 рублей, орден св. Анны 2-й ст., украшенный бриллиантами, из Кабинета Е. И. В. ценой в 2000 рублей и другие.

Так же, как и архимандрит Стефан (Вукотич), за участие в кампании 1806 года отец Спиридон был пожалован золотым наперсным крестом. И точно так же он просил разрешения носить его на Георгиевской ленте. Рапорт архимандрита Спиридона (Филипповича) от 26 июля

1808 года на имя военного министра графа А.А. Аракчеева хранится в Российском военно-историческом архиве:

«За сражение против французов в конце 1806 года, бывших на островах Курцоле и Браце, Всемилостивейше награжден я золотым крестом с таковою же цепью для ношения на персях, который при отношении Вашего Сиятельства от 22 числа сего июля удостоился я получить. Благоговяя глубочайшею признательностью ко Всемилостивейшему Государю Императору за все излиянные на меня Высоко-Монаршие милости, в том числе и за сей священный дар, осмеливаюсь при всем том представить на благоусмотрение и уважение Вашего Сиятельства нижеследующее:

В списках чинах, рекомендованных за отличие при изъясненном случае, показан я был иеромонахом; посему и крест Высочайше назначен в награду мне такой, какие обыкновенно белому духовенству даваемы бывают. Поелику же я имею сан архимандрита и украшен от Высочайших щедрот знаменитым орденом 3-й степени Святого Равноапостольного Князя Владимира, то сей последний препровожденный от Вашего Сиятельства крест на золотой цепи не может быть соответствен как носимому мною такового по архимандричьему сану, так и Всемилостивейшее пожалованному ордену; и для того не угодно ли будет Вашему Сиятельству учинить свое благораспоряжение о перемене сего знака в сообразность описанным мною уважениям, и как оный определен мне в награду за военный подвиг, то я всепокорнейше прошу Вашего Сиятельства исходатайствовать мне у Всемилостивейшего Государя позволения носить оный, по примеру других духовных лиц, удостоенных за воинские дела подобных наград, на ленте Военному Ордену Святого Победоносца Георгия присвоенной. С глубочайшим к особе

Вашей высокопочтанием честь имею быть, милостивый государь, Вашего Сиятельства покорный слуга архимандрит Спиридон Филиппович». Прощение архимандрита было уважено. В 1809–1814 годах Спиридон находился в Европе, в частности в Триесте и Вене, где имел встречу с Императором Александром I.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.